

Рес. газ. - 1992. - 12 июля, - С. 7

Русский театр в Старом городе

Ищу дорогу к театру русской драмы, недоумевая, как же могло так случиться, что оказался он в самом, как мне кажется, центре Старого города.

Но вот мелькнула эмалевая табличка «Улица театра», еще несколько поворотов — и Рижский театр русской драмы передо мной. Афиши, подъезд с колоннами.

...В середине семидесятых годов, когда Рижский русский театр переживал необыкновенный взлет, у этих колонн занимали очередь в кассы уже с пяти часов утра и работники театра открывали вестибюль, чтобы люди не мерзли на улице. В те же годы хорошим свадебным подарком считался театальный абонемент. Без него попасть на премьеру раньше седьмого-восьмого спектакля нечего было и рассчитывать. А спектакли стоили внимания.

Здесь впервые на советской сцене был поставлен мюзикл, это была «Вестсайдская история», большим успехом пользовался «Человек из Ламанчи», а «Утиная охота» и «Телевизионные помехи» воспринимались как заявление театром своей позиции по отношению к советской действительности. Театр находился в сложном и, пожалуй, почетном положении структуры, несколько оппозиционной действительности. Все это определяло его аудиторию, состоявшую из русских и из латышей, аудиторию умную и интеллигентную.

Рига вообще город с дав-

ней театральной традицией, идущей еще от дореволюционной русской антрепризы. Здесь начинал свои исследования по роли музыки в спектакле Таиров, здесь существовала школа Михаила Чехова, на сцене русского театра играл Горький... Впоследствии национальная театральная школа вышла именно из русской театральной школы. Казалось бы — история. Но она во многом определяет сегодняшний день, хотя бы тем, что русский театр в Риге — явление не чужеродное, он как дерево, вросшее корнями в землю, его нельзя удалить незаметно. Может быть, в силу всех этих причин русскому театру пока не было сделано никаких заявлений насчет его грядущей судьбы. В театре даже шутят: если будет принят Закон о гражданстве, по которому граждане Латвии — только те, кто с «до сорокового», то театр должен получить гражданство одним из первых, потому что он «с царских времен».

Разумеется, нужно быть готовым ко всему. И хотя сейчас в русский театр на все премьеры приходят члены правительства, причем в этом соединяются и демонстрация своей лояльности, и просто любовь к театру, но уже звучали высказывания, что, мол, для Латвии шесть русских театров слишком много. А трудности начинаются уже сегодня: прерываются прямые связи с драматургами из бывшего Союза, возникает сложность с оплатой по-

становок пьес зарубежных авторов, не очень-то хотят ехать в Ригу актеры (кстати, отсюда если уезжают, то в хорошие московские и ленинградские театры)...

Не исключено, что в будущем могут сократить дотацию театру, а если Латвия всерьез решится вернуться к сороковому году, то возможно и возвращение к соответствующей модели культуры, когда на государственной дотации находились только национальный театр драмы и опера... Что можно будет на это возразить? Только то, что даже при диктаторе Ульманисе русский театр дотировался. Или уже сегодня искать спонсоров, свое место в сплошной коммерции, ализации.

Избегать ее совсем не удалось, но торговцев во храм здесь все-таки не пустили. В театре не торгуют даже книгами, зато есть постоянная выставка-продажа работ профессиональных художников, отбираемых при участии работников театра.

Наверное, это почти удача — такое осторожное и взвешенное отношение к тому, что «носится в воздухе». ...А в воздухе носятся еще и всякие политические идеи. Но так сложилось, что сейчас ни один актер не участвует ни в каких движениях. Их трибуна — театр.

...В театре мне довелось полить книгу, названную очень просто: «Рижский русский городской театр. 1902—1912 г.», изданную еще «тогда». И такая встретила фразу: «Искусство — это та область, где легче всего сглаживать национальные противоречия, и на этой почве скорее всего возможно сближение и объединение разнородных в национальном отношении элементов».

Ольга НОВАК